

Кадзё, как и обещала, приготовила для Дзюэцу угощение. Стол ломился от разнообразия: рисовые лепешки, нежные фулюбины, баоцзы с начинкой из семян лотоса... Кадзё лично налила Дзюэцу чашку ароматного чая, ее улыбка была теплой и лучезарной.— Интересно, знаете ли вы об этом, леди Вороний Консорт? — начала Кадзё, — Кажется, Его Величество сейчас пересматривает административный и гражданский кодексы. Говорит, что в них много бессмысленных законов. Похоже, он очень занят этим. Дзюэцу, запихивая в рот сочный баоцзы, равнодушно ответила:— Не знаю. Мне это неинтересно.— Он сказал в своем письме, что пройдет некоторое время, прежде чем он сможет навестить вас. Просил передать вам это.— Почему в письме к тебе есть послание ко мне? — Дзюэцу нахмурилась, ее брови слегка сошлись на переносице.— Он сказал, что это потому, что леди-консорт Рейвен сожжет письмо, прежде чем прочтет его. — Кадзё пожала плечами."Конечно, верно", — подумала Дзюэцу. "Но зачем было делать Кадзё гонцом?".— Леди Консорт Ворона, есть ли у вас какое-нибудь послание, которое вы хотели бы передать Его Величеству? — спросила Кадзё, глядя на Дзюэцу с искренним интересом.— Нет, — ответила Дзюэцу, — Скажи ему, чтобы он не посылал мне никаких пустяковых посланий... Нет, в конце концов, не говори ему ничего.— Если Его Величество собирается отправить послание, то лучше, если он сочинит пару стихотворений, — Дзюэцу покачала головой. — Я знаю, что поэзия и музыка - его слабость.— Пожалуйста, простите его, — с улыбкой сказала Кадзё, ее глаза светились добротой. — Она была похожа на старшую сестру, извиняющуюся за неудачи младшего брата. Ее улыбка напомнила Дзюэцу теплый и освежающий летний ветерок.— Почему бы тебе не попробовать и этот? — сказала Кадзё, предлагая Дзюэцу рисовую лепешку. — Здесь много еды. На лице Кадзё появилась добрая улыбка, когда она наблюдала, как Дзюэцу с аппетитом уплетает угощение.— У меня десять младших братьев и сестер, — сказала Кадзё. — Моя младшая сестра еще не вышла замуж и живет дома. Она примерно того же возраста, что и вы. Может быть, это грубо с моей стороны, но мне кажется, что я так смотрю на свою младшую сестру, и это делает меня счастливой.— Я не думаю, что ты грубишь, — Дзюэцу внимательно слушала.— Понятно. Тогда, в таком случае, можно я буду называть тебя "А-мэй"? — Кадзё нежно улыбнулась."А-мэй" — это имя, используемое для ласкового обращения к младшей девочке. Дзюэцу была немного озадачена.— Если хочешь, можешь называть меня "Ах-джи", — ответила Дзюэцу, ее губы слегка изогнулись в легкой улыбке. Кадзё была нахальна, хотя внешне казалась скромной. Все было точно так же, как и в тот раз, когда она вручала Дзюэцу одежду. Дзюэцу, не найдя что ответить, запихнула в рот рисовое пирожное. Это было почти тогда, когда она покинула дворец Эноу. Кадзё одевала ее в разные одежды, словно заботилась о младшей сестре. Когда она вернулась во дворец Ямэй с несколькими нарядами, то обнаружила, что у дверей ее кто-то ждет. Вечерние тени уже опустились, но она узнала их стоящие фигуры. Это были Кошун и Эй Сэй.— Я думал, что ты не откроешь двери, но оказалось, что ты вышла, — сказал Кошун, его голос был тихим и спокойным.— А вы не собирались приходить сюда какое-то время? — спросила Дзюэцу, ее глаза внимательно смотрели на Кошуна.— Вы слышали это от Кадзё? Все уладилось быстрее, чем я ожидал, — Кошун бросил взгляд на волосы Дзюэцу. Она вспомнила, что на ней был гребень из слоновой кости, который она получила от него.— Это... — Дзюэцу хотела сказать что-то, но замолчала, — она закрыла рот рукой. — Приподняв юбку, она поднялась по ступенькам и прошла мимо Кошуна и Эй Сэй. Двери открылись сами собой. Войдя внутрь, Кошун заставил Цзюцзюй отступить. Как обычно, он сам сел на стул, без подсказки.— Зачем ты здесь? — Дзюэцу села напротив него, ее взгляд был холодным и непроницаемым. То, что он заставил Дзюэцу отступить, означало, что это секретный разговор. Подумав так, Дзюэцу села напротив него.— А, — сказал Кошун, но на некоторое время замолчал. — Я занимался организацией административного и гражданского кодексов, — наконец заговорил Косюн.— Я слышала это от Кадзё. А какое отношение это имеет ко мне? — спросила Дзюэцу, ее тон был холоден и отстранен.— Я отменил все ненужные законы, — Кошун сделал паузу, его глаза встретились с глазами Дзюэцу, — в том числе и указ о поимке и убийстве членов клана Ран. Дзюэцу вздохнула.— Все члены клана Ран мертвы. Согласно

реестру имен. Поэтому этот закон был уже как ничто. В нем не было необходимости. Глаза Дзюэцу расширились, и она внимательно прислушалась к отрешенному голосу Кошуна. — Если Супруга Ворона - та, кто делает короля тем, кто он есть, то мы не можем позволить себе потерять тебя. По этой причине это закон, который не должен оставаться в силе, — Кошун внимательно смотрел на Дзюэцу. Дзюэцу молчала. Кошун перевел дыхание, прежде чем продолжить. — Итак, больше нет закона, по которому тебя можно схватить или убить. Ты больше не должна бояться. — Кошун тихо повторил свои слова и пристально посмотрел на Дзюэцу. Она заглянула ему в глаза, гадая о его намерениях. Но его глаза были неподвижны, как зимний снег, и не выражали никаких мыслей, кроме тех, о которых говорили его слова. — Я просто... — начал говорить Кошун, но его глаза в нерешительности дрогнули, и он закрыл рот. Он очень тщательно подбирал слова. Осознав это, Дзюэцу слегка дрогнула. Он тщательно подбирал слова, чтобы не обидеть ее. Дзюэцу поджала губы и опустила взгляд. — Я вас обидел? — в голосе Кошуна звучала некоторая паника. Тон его голоса почти не изменился. Однако Дзюэцу стала слышать в его голосе грусть, напряженность и нежность гораздо отчетливее, чем в самом начале. Дзюэцу покачала головой. Не зная, что ответить и какое выражение лица сделать, она опустила голову. Кошун пытался прижаться к больной Джусетсу. Он пытался поддержать ее. Она не знала, правильно ли это. Кошун не должен был понимать ее. Но и она не нуждалась в его понимании. Она не искала в нем спасения. Но... — Вот, — Кошун достал что-то из кармана и положил на стол. Это были две фигурки рыб из стекла. Одна из них была прозрачной, а другая - молочно-белой с бледно-красным оттенком. У обеих была тонко вырезана чешуя, а желобки были окрашены серебряной краской. Кошун положил бледно-красную перед Дзюэцу. — Это - твоя. Другая - моя, — Кошун взял в руку прозрачную. — Давай дадим обещание. — Обещание...? — Дзюэцу с недоумением посмотрела на Кошуна. — Обещания между мной и тобой. Между Летним королем и Зимним королем. — Кошун внимательно смотрел на Дзюэцу. Дзюэцу смотрела между Кошуном и бледно-красной фигуркой. Она медленно протянула руку и взяла статуэтку. Она была гладкой и теплой, возможно, потому, что находилась в кармане Кошуна. Дзюэцу провела пальцем по резной чешуе. Она подняла глаза и посмотрела на Кошуна. — Что это за обещания? — ее голос был тихим и ровным. — Первое - это прежнее обещание. Я не убью тебя. Несмотря ни на что. — Кошун встретился с ее взглядом. — Несмотря ни на что? — Дзюэцу повторила его слова, ее брови слегка нахмурились. — Именно так. — Кошун уверенно кивнул. — ... А другое обещание? — Дзюэцу внимательно слушала. — Мы не будем драться друг с другом. — Кошун нежно улыбнулся. — Я и не собирался с тобой драться, — ответила Дзюэцу, ее губы изогнулись в легкой улыбке. — Это значит, что ты останешься здесь до конца своих дней, но не в качестве Зимнего Короля, а в качестве Консорта Ворона. — Кошун внимательно смотрел на Дзюэцу. — Другого пути для меня не уготовлено, — Дзюэцу пожала плечами. — Улыбка заиграла на ее губах, и Кошун на мгновение замолчал. Его глаза были опущены, и только когда он поднял их, взгляд Кошуна встретился с глазами Дзюэцу. Взгляд этот был спокоен, почти безжизненным, но в нем сквозила решимость. Кошун встал и, не отрывая взгляда, приблизился к Дзюэцу. Затем, с неожиданной грацией, опустился на колени. Дзюэцу была ошеломлена. Лицо И Сэя, стоявшего у дверей, искажилось, и он зашевелился, словно птица, готовая к полету. Кошун, не обращая внимания на реакцию своих собеседников, сцепил руки и поклонился. — Я выражаю свое уважение не только вам, но и всем Консортам Ворона, которые были до вас, — произнес он, и в его голосе звучала едва уловимая печаль. Взгляд Кошуна, казалось, пронзил Дзюэцу насквозь, устремившись в какую-то неведомую даль. Она была озадачена, но не отводила взгляд. В памяти всплыла тень Рэйдзю, ушедшей в мир иной в стенах этого дворца, и так же быстро растворилась. Из груди Дзюэцу вырвался едва слышный вздох. Она опустила взгляд на бокал в своей ладони и села. — ...Это ты сделал эти фигурки рыб? — спросила она, глядя на стеклянную рыбку в своей руке. Бровь Кошуна дрогнула. — Нет, — ответил он. — Конечно, я не мог сделать что-то настолько тонкое. Я попросил Он Шиина из Управления императорских мануфактур сделать их. Выражение его лица было несколько разочарованным. Впервые

Дзюсэцу увидела на нем тень юного мальчика, неуверенного в себе, но искреннего. Она залюбовалась этой редкостью, но взгляд Кошуна, словно неловкий подросток, метался по сторонам. — Я могу сделать резьбу по дереву меньше чем за день, — сказал он. — Никто не просил об этом, — ответила Дзюсэцу. — Я могу сделать птиц и цветы, — продолжал Кошун. — Цветы? А, я помню. Ты сделал цветочную флейту, — вспомнила Дзюсэцу пунцовые розы дворца Эноу. — Даже розы? — Розы, лилии, магнолии и гибискусы, — перечислил Кошун. — Я бы хотела розу, — сказала Дзюсэцу. Кошун моргнул. — Понятно, — пробормотал он. — Деревянная роза не завянет, — добавила Дзюсэцу, и ее губы тронула едва заметная улыбка. Но, заметив, что Кошун смотрит на нее, она отпрянула и отвернулась, садясь в кресло. Кошун последовал ее примеру, разместившись напротив нее. — Вы еще не уходите? По-моему, ты сделал то, зачем пришел, — произнесла Дзюсэцу. — Я забыл рассказать тебе об остальной части договора, — ответил Кошун. — Есть еще что-то? — Еще одно, — Кошун замолчал, словно подбирая слова, — Я хочу быть твоим хорошим другом. Некоторое время Дзюсэцу пристально смотрела в лицо Кошуна. Его глаза были неподвижны и ясны, и в них, как сквозь туман, проступала безграничная печаль. — ...Друг? — спросила она, словно не веря своим ушам. — Твой друг, — повторил Кошун, и в его голосе звучала уверенность. Он всерьез задумался над словами Дзюсэцу, над ее страданиями, над болью, которую она ему причинила. Ответ, к которому он пришел, был прост: отмена указа о казни клана Ран и данное обещание. Дзюсэцу снова медленно взяла в руку стеклянную рыбку. Она была гладкой и странно теплой. — Ты... полный дурак, — произнесла она, но в ее голосе сквозила нежность. — Это так, — согласился Кошун. — Это не обещание, — продолжала Дзюсэцу. — Это обещание, которое я даю себе, — твердо ответил Кошун. Дзюсэцу покатила стакан в ладони. — Чем занимаются друзья вместе? — спросила она. — Я и сам не очень-то в этом разбираюсь, — отстраненно ответил Кошун. — Возможно, они пьют чай друг с другом. — Сэй. Кошун повернулся и позвал И Сэя. Тот, как всегда бесшумный, подошел к нему. — Чай, который готовит Сэй, очень вкусный. Хочешь попробовать? — спросил Кошун, обращаясь к Дзюсэцу. После небольшой паузы Дзюсэцу просто кивнула. И Сэй прошел на кухню. Вскоре воздух наполнился освежающим и нежным ароматом кипящего чая. Дзюсэцу раскрыла ладонь и посмотрела на стакан. В лунном свете он, несомненно, будет смотреться красиво. Ей показалось, что бокал, наполненный прозрачным светом, как роса, подходит для молитвы, называемой обещанием.